

УДК 323.2

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ ПРИБАЛТИКИ В ОТНОШЕНИИ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Л.З. Ризванова

Аннотация

В статье анализируется государственная политика Латвии, Литвы и Эстонии по отношению к русскоязычному населению в постсоветский период. Для более глубокого изучения сложившейся ситуации рассматриваются факторы эволюции этнополитических процессов в период распада СССР. В современной политике государств Прибалтики выделены основные направления, касающиеся положения русскоязычного населения: государственная политика в отношении языка, гражданства, политических прав и свобод. В работе сравнивается положение русскоязычного населения в трех прибалтийских странах и сопоставляется с нормами международного права.

Ключевые слова: этнополитика, государственная политика, русскоязычное население, языковая политика, гражданство, права и свободы.

Введение

Положение русскоязычного населения является одной из важнейших проблем внутренней и внешней политики государств Прибалтики и значимым аспектом их взаимоотношений с Россией, привлекает к себе огромное внимание политиков, ученых, публицистов, рядовых граждан. В данной статье на основе институционально-нормативного подхода рассматривается политика государств Прибалтики в отношении русскоязычного населения, эволюция национальных законодательств о гражданстве, о языке. Значительное место занимает сравнение политики государств в отношении русскоязычного населения с нормами международного права.

1. Эволюция этнополитических процессов в государствах Прибалтики

Для изучения современной национальной политики государств Прибалтики в отношении русскоязычного населения необходимо проанализировать эволюцию этнополитических процессов в Латвии, Литве и Эстонии. В рамках исследования представляется интересным хронологический отрезок с 1940 по 1991 гг. – период с момента вхождения в состав СССР до выхода из него.

Решение о вхождении Латвии в состав Советского Союза было принято в 1940 г. голосованием в парламенте Латвии, который был избран после того, как в Латвию были введены войска СССР. Советские войска были введены во исполнение условий советского ультиматума, но с согласия латвийского президента К. Улманиса. Он пришел к власти в 1934 г. в результате переворота, то есть он не был избран и де-юре президентом Латвии не являлся. То же проис-

ходило вокруг вхождения в состав СССР Эстонии и Литвы. В июне 1940 г. советское правительство направило республикам ультиматумы, в которых обвинило их в нарушении ранее подписанных договоров и потребовало неограниченного введения советских войск в Литву и Эстонию, формирования новых правительств. Республики были вынуждены принять эти условия. После ввода советских войск были избраны Государственная Дума Эстонии и Народный Сейм Литвы, которые приняли Декларации о вхождении в состав СССР. Отметим, что процесс вхождения прибалтийских республик в состав СССР не встретил открытого массового сопротивления населения.

В послевоенное время в г. Риге разместился штаб Прибалтийского военного округа, куда прибывали военнослужащие Советской Армии. В это же время во всех прибалтийских республиках началось строительство крупных предприятий, на работу в которых направлялись жители других советских республик, в основном русские. В Литве миграция шла гораздо меньшими темпами, чем в Латвии и Эстонии.

С 1989 г. парламенты Прибалтийских республик начали вести целенаправленную подготовку к отделению от СССР и образованию независимых государств: объявили «незаконной оккупацией» вступление советских войск в 1940 г., осудили секретные протоколы к советско-германским соглашениям и признали их недействительными, приняли декларации о национальной независимости.

Значительную роль в этнополитических процессах конца 1980-х годов сыграли, по нашему мнению, общественно-политические движения и партии, которые появлялись как альтернатива КПСС. В мае 1988 г. в Эстонии возникло движение за создание Народного фронта. В ноябре 1988 г. Верховный Совет Эстонской ССР принял Декларацию о суверенитете, где провозглашалось верховенство республиканских законов над общесоюзными. В декабре этого же года был создан Народный фронт Эстонии, целью которого стала борьба за независимость страны. Процессы в Эстонии оказали значительное влияние на политическую ситуацию в Латвии, где по эффекту «снежного кома» были организованы «Движение за национальную независимость Латвии» и Народный фронт Латвии. Исходя из идеи приоритета коренной нации в программе движения за независимость Латвии было записано: «Создать все условия для русскоязычного населения, чтобы они выехали на свою этническую родину» [1, 2]. Одновременно в русскоязычной среде создавался «Интернациональный фронт». Таким образом, началось обострение отношений между латышами и русскоязычным населением. В Литве процесс восстановления независимости возглавило общественно-политическое движение «Саюдис». Получив 101 мандат из 141 на выборах в Верховный совет Литовской ССР в феврале 1990 г., депутаты «Саюдиса» приняли акт о восстановлении независимости Литвы. Таким образом, общественно-политические движения и партии были в авангарде политических изменений, зачастую инициировали те или иные политические решения. Необходимо отметить, что все они создавались этнически неоднородной политической и культурной элитой республик, первоначально своими целями провозглашали культурное возрождение, демократизацию, переход к рыночной экономике и даже заботу об окружающей среде.

Как отмечает Л. Дробижева, следующий этап, когда конституционные конфликты союзных республик с центром завершились образованием независимых государств, показал, что ни одно из них не избежало идеологической мести и дискриминации русских и других меньшинств, в том числе Латвия и Эстония [3, с. 73]. Соглашаясь с этим, мы хотели бы отметить, что новые государства не оказались готовыми к демократическим преобразованиям, осуществлению идей культурного плюрализма.

Мы выделим ниже несколько факторов, которые определяли характер эволюции этнополитических процессов в Прибалтике в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Как нам представляется, они детерминировали не только переход советских республик в новое качество – независимых государств, но и определили вектор становления государственности Латвии, Литвы и Эстонии в современный период.

В отличие от России и ряда других постсоветских государств в прибалтийских республиках экономические реформы выступали имманентным содержанием общего демократического процесса. Структура их экономик была разнородна: большая доля населения Латвии и Эстонии исторически была занята в сфере рыболовства, а в Литве – в аграрном секторе. Во времена СССР центр именно в Прибалтике размещал новые производственные мощности, развивал широкую сеть коммуникаций. Уровень развития промышленности и социальный индикатор жизни населения к моменту распада СССР в прибалтийских республиках были самыми высокими по сравнению с другими советскими республиками. Как отмечает С. Хантингтон, экономика хотя не детерминирует демократию, но способна создать базу и облегчить переход к ней [4, с. 71]. С этой точки зрения условия для перехода к демократии у прибалтийских республик были наилучшими.

Другой детерминантой был культурный фактор. Балтийским народам свойственна социально-психологическая закрытость. Между тем эстонцы отличаются от латышей большей автономностью. И эти особенности национальной культуры детерминировали различия в политике республик по отношению к центру. Как отмечает Р. Симонян, эстонцы держали себя отстраненно, хотя и демонстрировали лояльность к союзному центру. При этом латвийское руководство проявляло большую исполнительность и инициативу, добиваясь расположения Москвы. Литовцы осуществляли самую гибкую по отношению к союзному центру политику. Они более изобретательны, эмоциональны, воинственны и иррациональны, что более близко к психологии русского этноса [5, с. 47]. Отметим, что процессы выхода из Советского Союза начались именно в Эстонии, а Литва в решении проблем постсоветского времени выбрала самый гибкий подход.

Эволюция этнополитических процессов в новых независимых государствах оказалась напрямую связанной также с вопросом гражданства. В 1991 г. парламенты Латвии и Эстонии приняли законы, согласно которым гражданами признавались лишь те, кто имел гражданство республик до 1940 г., и их потомки. Поправки, внесенные позже в тексты законов, в целом не изменили их дискриминационного характера по отношению к русскоязычному населению.

Латвийские и эстонские власти утверждают, что секретные протоколы к пакту Молотова – Риббентропа 1939 г. привели к незаконному захвату их государств и что период 1940–1991 гг. следует рассматривать как период военной оккупации. На этом основании все русские, въехавшие в республики после 1940 г., и их потомки считаются латвийскими и эстонскими властями лицами, незаконно присвоившими право жительства и не имеющими права на автоматическое получение гражданства после 1991 г.

Как справедливо отмечает С.В. Черниченко, институт «оккупации в мирное время» в международном праве не закреплен. Кроме того, ввод советских войск на территорию Прибалтийских республик был осуществлен с их согласия, которое, правда, было получено в результате предъявления советской стороной определенных ультиматумов. Но необходимо отметить, что, рассматривая события в Прибалтике 1940 года с международно-правовых позиций, следует помнить, что действовавшее в то время международное право отличалось от современного. Поэтому рассуждения о том, что советские ультиматумы были международным преступлением или нарушали принцип неприменения силы в том виде, в каком он существует после принятия Устава ООН, несостоятельны. Можно говорить о восстановлении латвийской, литовской и эстонской государственности, а не об «освобождении» Латвии, Литвы и Эстонии от оккупации и их восстановлении» [6, с. 215, 221].

В Литве, которая в значительно меньшей степени подвергалась миграции населения в советские времена, доля русского меньшинства относительно мала и составляет лишь около 8.4% [7, с. 28]. Там законодатели приняли решение в пользу почти автоматической процедуры получения гражданства всеми проживающими на литовской территории нелитовцами. В этой республике, по мнению Пола Колсто, по причине незначительной доли в населении русские не воспринимаются в качестве серьезной угрозы для титульной нации [8].

Дискриминации русскоязычных в Прибалтике не возникало до тех пор, пока в 1991–1992 гг. государственные власти не приняли решений об отказе в автоматическом предоставлении гражданства и об утверждении латышского и эстонского языков в качестве единственных официальных языков. Новые независимые республики начали проводить политику построения моноэтнических государств. Знание языка титульной нации стало также одним из условий натурализации, начавшейся в середине 1990-х годов в Латвии и Эстонии. Принимая вполне демократичные законы о СМИ, общественных организациях, политических партиях, избирательном процессе и т. д., страны фактически ущемляли социальные, политические права и свободы, законодательно регулируя вопрос о государственном языке. Именно потому, что вопрос языка задевал все сферы общественной жизни, и в первую очередь социальную и политическую, он приобрел актуальность у населения. Вопрос о знании языка стал причиной осуществления этнократической кадровой политики.

Одним из самых существенных факторов, определявших государственную политику в отношении русскоязычного населения, был также геополитический фактор. Как отмечает Д. Хогленд, причина сложившейся ситуации заключается в постоянно присутствовавшем страхе прибалтийских государств перед восстановлением российского влияния и правления в них [9]. Как нам видится,

именно поэтому прибалтийские страны сразу после выхода из СССР начали стремиться в западные организации (НАТО, ЕС).

Таким образом, эволюция этнополитических процессов в государствах Прибалтики проходила не в соответствии с демократическими ценностями. Государственная политика Латвии, Литвы и Эстонии имела строгую направленность на построение моноэтничных государств.

2. Современные направления политики государств Прибалтики в отношении русскоязычного населения

Государственная политика в сфере межэтнических отношений характеризуется высокой степенью сложности и социальной значимости, поскольку, затрагивая интересы даже одной из этнических групп, отражается на состоянии всего общества. С одной стороны, государственная политика должна осуществляться в русле обеспечения целостности общества и соблюдения общих социальных интересов, а с другой – способствовать развитию самобытности этнических групп, культивировать межэтнические различия. И поскольку право выступает в качестве «арены конфронтации интересов государства и проживающего на его территории этнического меньшинства» [10, с. 161], рассмотрим государственную политику прибалтийских республик и ее соответствие нормам международного права.

Существует развитая система международных норм по защите прав национальных меньшинств. В частности, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод говорится: «Пользование правами и свободами... гарантируется без дискриминации по какому бы то ни было признаку, как то... принадлежности к национальному меньшинству...» (ст. 14). Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) содержит специальную статью, посвященную национальным меньшинствам, которая гласит: «В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком» (ст. 27).

Однако важно не только то, что государство является участником международного соглашения, но и каков статус соглашения в рамках правовой системы каждого государства. Несмотря на то что место международных договоров в законодательстве рассматриваемых стран постепенно становится всё более определенным, на практике оказывается, что международно-правовые нормы ещё не находят самого широкого применения.

С момента провозглашения суверенитета государственная политика в отношении русскоязычного населения Латвии и Эстонии не претерпела кардинальных изменений. И по сей день проблемными для государственной политики остаются следующие направления: вопрос русского языка, вопрос гражданства, оценка советского прошлого и вопрос участия населения в принятии политических решений. Рассмотрим государственную политику прибалтийских государств и соотнесем ее с нормами международного права.

Языковая политика, которая фактически могла бы стать рычагом преодоления этнической конфронтации в начале 1990-х годов, стала инструментом эскалации этнического конфликта. В Латвии и Эстонии национальная политика опирается на идею охраны культурно-языковой самобытности титульных народов. В соответствии с законодательствами этих республик предусматривается использование исключительно языка титульной нации в сфере частного предпринимательства, СМИ и при обращении в любое государственное и муниципальное учреждение, а также в сфере образования. Наиболее благоприятная с точки зрения языкового комфорта русскоязычного населения ситуация сложилась в Литве. По причине мононациональности государства, большой степени интегрированности русских в культурную среду, владения титульным языком Конституция закрепляет право национальных общин самостоятельно заниматься делами своей национальной культуры, просвещением, благотворительностью, взаимопомощью. Однако число граждан Литвы, владеющих русским, постепенно сокращается.

Как справедливо отмечает Я. Стрельцова, проблема языка – это долговременный фактор нестабильности в обществе. В отличие, например, от проблем приобретения гражданства, экономических прав, которые можно решить административными методами, лингвистический комфорт может быть достигнут только при обоюдном стремлении государства и его граждан к компромиссу и толерантности [11, с. 97].

Беспрецедентным в мировой практике является искусственно созданная правительствами Латвии и Эстонии проблема массового безгражданства и унижительная процедура натурализации.

Во Всеобщей Декларации прав человека в п. 1 ст. 15 записано: «Каждый человек имеет право на гражданство. Никто не может быть произвольно лишен гражданства или права изменить свое гражданство». Этот основополагающий принцип в случае с Латвией и Эстонией оказался нарушенным. После распада СССР во всех бывших союзных республиках, в том числе и в Литве, все лица, имевшие постоянную прописку, автоматически получали гражданство соответствующего нового государства. В Латвии и Эстонии этого не произошло.

До сих пор камнем преткновения между государством и русскоязычным населением остается вопрос морально-правовой оценки советского прошлого. Особенно остро вопрос встал в Эстонии. В апреле 2007 г. правительство приняло решение убрать с холма Тынисмяги монумент «Бронзового солдата». В результате столкновений с полицией, по официальным данным, было ранено более 40 человек и убит при невыясненных до сих пор обстоятельствах один человек. Реакция международного сообщества на это решение эстонского правительства разделила политиков мира на два лагеря. Причем тех, кто поддержал правительство Эстонии, оказалось большинство. Озабоченность событиями в Эстонии высказали лишь генеральный секретарь ООН П. Ги Мун и канцлер Германии А. Меркель. В то же время поддержку действиям правительства Эстонии выразили госсекретарь США К. Райс, генеральный секретарь НАТО Я. де Хооп Схеффер, президент Литвы В. Адамкус, президент Польши Л. Качиньский, премьер-министр Финляндии М. Ванханен. В связи с событиями в Эстонии Европарламент принял резолюцию, в которой была высказана «поддержка и

солидарность с демократически избранным правительством Эстонии в его усилиях гарантировать порядок, стабильность и верховенство закона для всех жителей Эстонии» [12]. Сейм Латвии принял декларацию в поддержку Эстонии. Декларация категорически осуждала беспорядки на улицах Таллинна и Москвы, а также содержала требование к России наказать организаторов акций возле посольства Эстонии в Москве [13]. Однако ни в резолюции Европарламента, ни в декларации Сейма Латвии не было критики в адрес правительства Эстонии, действия которого привели к массовым протестам населения. Наряду с этим на государственном уровне идет поддержка прославления нацистского движения и бывших членов организации «Waffen SS», в том числе путем поддержки проведения публичных демонстраций. Озабоченность по этому поводу была выражена в резолюции ООН за № 61/147 от 19 декабря 2006 г., где указывалось, что организация «Waffen SS» Нюрнбергским процессом объявлена преступной и ответственной за многочисленные военные преступления и преступления против человечности.

Наконец, государственная политика Латвии и Эстонии направлена на поддержание более чем пятнадцатилетней практики ограничения русскоязычного населения в принятии политических решений. Русскоязычное население не имеет возможности избираться в законодательные органы государств. Конституции Латвийской Республики (п. 9. гл. 11) и Эстонской Республики (п. 60. гл. 6) узаконивают право баллотироваться лишь за гражданами. Право избирать в этих странах также принадлежит полноправным гражданам.

Это особенно актуально, поскольку именно через выборы подтверждается легитимность политической власти, происходит сплочение населения вокруг тех или иных политических лидеров, партий и идеологий. Как справедливо отмечает Л.М. Дробижева, «легитимность власти, достигаемая на основе свободных и честных выборов, означает единство жителей республики, желание ее граждан различной этнической принадлежности добровольно жить вместе» [14, с. 83]. Русскоязычное население в Латвии и Эстонии также не имеет равного доступа к государственной службе. В Конституционном законе Латвии «Права и обязанности человека и гражданина» (гл. 2. ст. 8) записано: «Граждане участвуют в решении государственных и общественных дел непосредственно или при посредничестве свободно избранных представителей. Граждане обладают равными правами занимать государственные должности. Граждане имеют право создавать партии». Немногим демократичнее Конституция Эстонской республики: «Должности в государственных учреждениях и местных самоуправлениях на основаниях и в порядке, установленном законом, заполняются гражданами Эстонии. В соответствии с законом эти должности в виде исключения могут занимать также граждане иностранных государств и лица без гражданства» (гл. 2, п. 30).

Между тем Всеобщая декларация прав человека (п. 2 ст. 21), а также Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 25) предписывают, что каждый гражданин, без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений, имеет право и возможность: 1) избирать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих

свободное волеизъявление избирателей; 2) допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе.

Что же касается ситуации в Литве, несмотря на отсутствие открытой конфронтации государственной власти с национальным меньшинством, в республиканских структурах законодательной и исполнительной власти нет представителей политических или общественных организаций русскоязычного населения, вследствие чего на государственном уровне они не могут эффективно защищать свои права на сохранение этнической самобытности, языка, культуры, нет возможности получить высшее образование на русском языке, увеличивается тенденция к сужению русскоязычного информационного пространства.

Одним из главных механизмов реализации государственной политики является взаимодействие с гражданским обществом. Горизонтальные структуры гражданского общества, находясь в постоянном взаимодействии с органами государства, артикулируют свои интересы, принимая участие в выработке политических решений. А. Голубов отмечает: «Взаимоотношения русских жителей Латвии с государством после распада СССР во многом ухудшились. Могут ли люди, которые никаким образом не могут влиять на управление государством или хотя бы своим поселком, любить эту систему? Они не видят себя в ней, не чувствуют обратной связи...» (цит. по [15, с. 89]). Проблема отсутствия «обратной связи» характерна и для Эстонии.

Другим механизмом реализации государственной политики в отношении русскоязычного населения является углубление и расширение программ интеграции общества, конечной целью которых является достижение общих ценностей и норм, согласованных с интересами государства в целом. При этом необходимо учесть, что процесс интеграции является динамичным и длительным, требует участия всего населения. Многие исследователи считают, что русскоязычное население проявило значительно больший уровень межнациональной терпимости и готовности к жизни в многокультурном окружении, чем титульная часть населения [16]. При этом отношение самого населения Латвии и Эстонии к интеграции характеризуется от крайне отрицательного до крайне положительного значения. В русскоязычной среде интеграция подчас рассматривается как ассимиляция, хотя в большинстве своем русскоязычное население изначально выражало понимание в необходимости интеграционных процессов. В свою очередь титульный этнос опасается перехода межэтнической интеграции в этническую ассимиляцию уже в пользу русского этноса (см. [17, с. 102]).

Для реализации государственной политики в Латвии и Эстонии наряду с привлечением министерств культуры, внутренних дел, юстиции, образования и науки создаются специальные структуры. В Эстонии это министр народонаселения, круглый стол национальных меньшинств; в Латвии – Управление натурализации, Государственное агентство овладения латышским языком, консультативный совет по вопросам образования национальных меньшинств, общественный интеграционный фонд, секретариат министра по особым поручениям по делам общественной интеграции. Однако эти структуры не принимают участия в выработке оптимальных для национальных меньшинств государственных решений, а занимаются лишь реализацией тех дискриминационных программ, которые принимают правительства республик.

Таким образом, политика государств Прибалтики в отношении русскоязычного населения имеет дискриминационный характер и не соответствует нормам международного права. Она не претерпела изменений с начала 1990-х годов. Но если в Латвии и Литве конфликт между государством и русскоязычным населением протекает в латентной форме, то в Эстонии он уже приобрел открытый характер после принятия эстонским правительством решения перенести монумент «Бронзового солдата».

Выводы

Таким образом, рассмотрев эволюцию и современные направления государственной политики Латвии, Литвы и Эстонии в отношении русскоязычного населения, можно констатировать, что они имеют как общие черты, так и существенные различия.

Так, если в Литве после распада СССР в вопросе гражданства был реализован «нулевой вариант», то в Латвии и Эстонии более трети населения до сих пор не признаны ее гражданами. Формулировки законодательств Латвии и Эстонии о гражданстве со временем менялись, становясь более ограничительными. Это ограничение получило особое значение, поскольку только имеющие гражданство могут быть отнесены к категории национальных меньшинств и реализовывать права и обязанности в остальных сферах.

Что же касается Литвы, то государственное законодательство причислило русскоязычное население к категории этнических меньшинств, однако после этого их положение не стало аналогичным положению титульной нации. Вопросы языка, образования остаются актуальными и здесь.

Сложившаяся в прибалтийских республиках ситуация объясняется тем, что их государственная политика с самого момента провозглашения суверенитета имела строгую направленность на построение моноэтнических государств.

Summary

L.Z. Rizvanova. The Policy of Baltic States towards the Russian-speaking Population.

The article views the state policy of Latvia, Lithuania and Estonia in relation to the Russian-speaking population during the post-Soviet period. For deeper understanding of the modern situation, the evolution factors of ethnopolitical processes during collapse of the USSR are considered. In the modern policy of the Baltic states, the basic directions concerning the position of Russian-speaking population are assigned. These include the state policy with respect to language, citizenship, political rights and liberties. In this work, the position of the Russian-speaking population of three Baltic states is compared and correlated with norms of international law.

Key words: ethnopolitics, state policy, Russian-speaking population, language policy, citizenship, rights and freedoms.

Литература

1. Газета «Известия» – 1991. – 10 июня.
2. Газета «Известия» – 1991. – 31 окт.

3. *Дробижева Л.М.* Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в полиэтничных государствах: материалы междунар. конф. 1993 г. – М.: Наука, 1994. – С. 71–85.
4. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.
5. *Симонян Р.Х.* Страны Балтии в годы горбачевской перестройки // Новая и новейшая история. – 2003. – № 2 – С. 44–65.
6. *Черниченко С.* Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения // Междунар. жизнь. – 2004. – № 7–8. – С. 212–225.
7. *Требст Ш.* Деятельность ОБСЕ по урегулированию этнополитических конфликтов. Успехи и неудачи в Восточной Европе // Internationale Politik. – 1997. – № 10. – С. 28–39.
8. *Kolstø P.* Interstate Integration in the Post-Soviet Space. The Role of the Russian Diasporas [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://folk.uio.no/palk/Interstate_Integration.htm, свободный.
9. Вашингтон пост. – 1992. – 4 июня.
10. *Фаус О.Д.* Официальные юридические доктрины и нормы местного права: конфликт государства и этнического меньшинства (на примере Италии) // Европа на рубеже третьего тысячелетия: народы и государства / Отв. ред. М.Ю. Мартынова, Н.Н. Грацианская. – М.: ИЭА РАН, 2000. – С. 161–200.
11. *Стрельцова Я.* Проблемы русского языка и образования в российских диаспорах в новом зарубежье // Язык и этнический конфликт / Под ред. М.Б. Олкотт, И. Семёнова. – М.: Гендальф, 2001. – С. 86–98.
12. Газета «Час». – 2007. – 25 мая.
13. Сейм поддержал Эстонию [Электронный ресурс] / DELFI. – 2007. – 10 мая. – Режим доступа: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/article.php?id=17807793>.
14. *Дробижева Л.М.* Возможность либерального этнонационализма // Реальность этнических мифов. Аналитическая серия / Под ред. А. Малашенко, М.Б. Олкотт. – М.: Гендальф, 2000. – Вып. 3. – С. 77–95.
15. *Лейшкалне Г.К.* Русскоязычное население Латвии: проблемы интеграции в общество // Социол. исслед. – 2005. – № 9. – С. 86–90.
16. *Anderson B.A., Silver B.D., Titma M., Ponarin E.D.* Estonia and Russian communities // International Journal of Sociology. – 1996. – V. 26, No 2. – P. 25–45.
17. *Симонян Р.Х.* Балтийские масс-медиа: динамика последнего десятилетия // Социол. исслед. – 2004. – № 2. – С. 98–106.

Поступила в редакцию
07.02.08

Ризванова Лилия Зофаровна – аспирант кафедры политологии Казанского государственного университета.